

Л.Х. Батагова

Ислам в контексте социально-политических процессов на Северном Кавказе

Л.Х. Батагова*

Религия в истории народов России, и в частности Северного Кавказа, традиционно играла огромную роль. С распадом СССР и изменением характера государственно-конфессиональных отношений в современной Российской Федерации роль религии значительно возросла, возвысился ее общественный престиж и авторитет, в результате чего религия стала существенным фактором общественного развития России. Религиозное мировоззрение в какой-то степени заполнило вакуум, который возник после краха коммунистической идеологии «дружбы, братства и равенства» советских народов. В 90-е гг. XX в. государство само стимулировало всплеск конфессиональной активности, принимая ряд законов, гарантирующих реальную свободу совести. Религия в обществе всегда выступала и продолжает выступать не только как вера, но и как идеологический инструмент, средство воздействия на людей, способ управления их восприятием окружающего мира и поведением. Эти особенности религии нередко используются современными политиками для воздействия на верующих и достижения конкретных социально-политических целей.

Подавляющее большинство коренных жителей республик Северного Кавказа традиционно исповедуют ислам, который имеет исключительное значение в духовной жизни северокавказских народов. Глубокая историческая укорененность исламской традиции мусульманских народов, кризис гражданской идентичности, острый экономический кризис после распада СССР, насаждение чуждых, прозападных моделей развития общества способствовали быстрому восстановлению позиций и значимости ислама во всех сферах жизнедеятельности северокавказского общества. Бурный рост исламской религиозности в 90-е гг. XX в. отмечается во всех республиках Северного Кавказа. Весьма наглядной в этом отношении является ситуация в РСО-А, которая традиционно считается по преимуществу право-

славной республикой. По мнению известного российского исламоведа А. Малашенко, свыше 100 тысяч осетин, проживающих в республике, исповедует ислам, что составляет около 25 % от их общей численности [1]. М. Тавказахов, бывший муфтий Северной Осетии, считает, что ислам исповедуют 200 тысяч человек, что составляет около 30 % населения республики [2]. Последняя цифра представляется более реальной, так как помимо осетин в республике проживают представители других этносов, исповедующих ислам: ингуши, азербайджанцы, татары, кумыки, аварцы, турки-месхетинцы и другие. Согласно расчетам Духовного управления мусульман РСО-А численность осетинских мусульман, соблюдавших все исламские обряды, в 1995 г. не превышала 1 000 человек, на сегодняшний день таких правоверных насчитывается около 15 000 человек [3].

Факт восстановления позиций ислама особенно очевиден в Дагестане. Исследователь ислама на Северном Кавказе профессор М.В. Вагабов указывает на то, что «среди всех регионов распространения ислама в РФ, даже СНГ по уровню проявления в сознании, психологии, быту и соблюдению мусульманской суннитской обрядности Дагестан, бесспорно, занимает первое место и сохраняет за собой титул форпоста суннитского ислама на Кавказе» [4]. При этом количественное возрождение ислама не дало качественного роста духовной жизни мусульман и не стало основой консолидации дагестанского общества. Историк-исламовед М.-Р.А. Ибрагимов справедливо замечает: «Несмотря на увеличение количества мечетей, высших и средних мусульманских заведений, религиозных партий и организаций, литературы и других пропагандистских средств, уровень религиозного сознания оставался крайне низким, что наряду с экономическими и политическими факторами создавало благоприятную среду для религиозного экстремизма» [5].

* Батагова Л.Х. – к. и. н., старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин СОГУ.

С первых шагов религиозного возрождения, начавшегося в период горбачевской перестройки, ислам стал не просто частью повседневной жизни людей, он стал ключевым фактором политических отношений в регионе. Процесс осознания мусульманами своей религиозной идентичности происходил одновременно с политизацией ислама. При этом политизация происходила на разных уровнях и в разных формах. Местные этнические элиты стали активно использовать «исламский фактор» для обеспечения политического доминирования своих этноклановых интересов. Для этого к участию в выборах различного уровня неоднократно привлекались и продолжают привлекаться мусульманские авторитеты, которые организуют пропагандистскую поддержку кандидатов на местах и тем самым получают возможность оказывать влияние на руководство своих республик. С другой стороны, предпринимались попытки встраивания ислама в политическую макросистему через создание мусульманских общественно-политических организаций, формирование нового «официального ислама», налицо спонтанная политизация, в том числе и радикализация ислама в малых социальных группах [3].

В условиях конфликтного региона, наличия низкой религиозной культуры это стало одной из причин распространения религиозного фанатизма и экстремизма. Политизация ислама и экстремистские проявления предстали в общественном сознании как характерная черта ислама. В нашей стране ислам в массовом сознании стал ассоциироваться с угрозами безопасности российской государственности, с радикализмом, экстремизмом и терроризмом.

В своих крайних формах (экстремизм и терроризм) деятельность исламских радикалов выходит за рамки дозволенного с точки зрения права, серьезно дестабилизирует ситуацию, как на региональном, так и международном уровнях. В этой связи осмысление природы и сущности исламского радикализма имеет не только общетеоретический интерес, но и практическую значимость.

В основе радикализации ислама в мире в целом и на Северном Кавказе в частности лежат весьма схожие факторы политического, социально-экономического, этноконфессионального и идеологического характера. В нашей стране расширение сферы влияния радикального ислама связано с распадом социалистической системы и развалом Советского Союза, образованием на его территории независимых государств. Начавшийся в этих странах процесс исламизации сопровождался усилением влияния идей исламского радикализма и внедрением их в местные мусульманские общины. На тер-

ритории России процесс политизации ислама активно происходил на территории Татарстана, Башкортостана и особенно Северного Кавказа. На Кавказе рост экстремистских тенденций в исламе стал в наибольшей степени ощущаться в ходе самоопределения и «суверенизации» Чечни и последовавших затем военных операций на территории этой республики. По мнению И.П. Добаева: «В Чечне произошла более резкая и ущербная по сравнению с другими регионами исламизация социума с привнесением в республику идей и практики крайнего религиозного радикализма» [6].

Исследуя процесс политизации ислама необходимо иметь в виду, что основным носителем экстремизма выступает не собственно мировая монотеистическая религия ислам, а «радикальный ислам». Исследователь радикального ислама профессор Н.В. Володина отмечает, что «он отличается от других видов экстремизма тем, что направлен на насильственное изменение государственного строя и захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, использует религиозное учение и символы как важный фактор привлечения людей, мобилизуя их на бескомпромиссную борьбу. Экстремизм на религиозной основе – это приверженность в религии крайним взглядам и действиям. Основу такого экстремизма составляют насилие, крайняя жестокость и агрессивность, сочетающиеся с религиозной демагогией» [7]. Обращаясь к проблемам определения сущности радикального ислама, известный историк и политолог профессор И.П. Добаев указывает на то, что «это идеологическая доктрина и основанная на ней социально-политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния «миру истинного ислама» как по отношению к «миру неверных» вовне, так и «неистинно верующим» внутри ислама и требуют абсолютного социального контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников» [6].

Одной из форм радикального ислама является «ваххабизм» – учение, разработанное арабийским религиозным деятелем XVIII века Мухаммедом Ибн Абд аль-Ваххабом из Неджда. Основным составляющим его учения явилось восстановление чистоты раннего ислама – «ислама благочестивых предков» (сподвижников пророка Мухаммеда). Важнейшее положение в идеологии ваххабитов занимает «джихад» – священная война за веру.

Сегодня термин «ваххабизм» в широком смысле слова употребляется для обозначения религиозно-политического экстремизма. Вместе с тем необходимо отметить, что ваххабизм не

является исключительно радикальным явлением в исламе, что на практике подтверждается социально-политическими реалиями таких современных «ваххабитских» государств, как Бахрейн, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Кувейт, в которых ислам ваххабитского толка выступает в качестве традиционного и государственного. Однако нельзя отрицать наличие радикальных экстремистских тенденций в крайней, наиболее политизированной части салафизма и ваххабизма [6].

На Северный Кавказ ваххабизм стал проникать в начале 90-х годов XX века и прежде всего на территорию Дагестана и Чечни. Это было связано со снятием «запрета на совершение хаджа». В результате паломничества к мусульманским святыням молодежь столкнулась с новыми принципами веры и способами совершения обрядов. Ваххабизм оказался системой разжигания внутррелигиозной и межэтнической вражды, ибо воспринимал войну между чеченскими сепаратистами и Россией как «священную». Лозунгами джихада пытались облечь свое движение откровенные националисты и даже криминальные элементы, преследующие собственные политические цели. Под видом «войны с неверными» подвергались изгнанию и уничтожению любые формы инакомыслия. Такая форма ислама была на руку уголовникам, которые составляли основной костяк дудаевских бандформирований. Милитаристская сущность ваххабизма была близка полевым командирам. Но ваххабизм не мог консолидировать общество. Он, наоборот, раскалывал его. Ваххабизм не мог стать общественной формой ислама и победить традиционный ислам на Северном Кавказе.

Распространению ваххабитской идеологии на Северном Кавказе способствовали глубокий и затяжной социально-экономический кризис конца XX – начала XXI вв., крайнее обострение межнациональных отношений, политический кризис власти, криминализация, коррупция, организованная преступность, геополитические трансформации в регионе и т. д.

Появлению радикальных течений в исламе способствовали и внешние факторы, среди которых необходимо назвать финансовую помощь международных исламских организаций фундаменталистского толка, идеологическую обработку эмиссарами этих организаций северокавказских паломников и студентов, обучающихся в зарубежных исламских университетах, распространение массовыми тиражами салафитской литературы и деятельность зарубежных мусульманских проповедников в регионе.

Внешние факторы, несомненно, сыграли свою роль, однако определяющими являются факторы внутреннего порядка, которые делают

ваххабизм привлекательным в глазах прежде всего молодежи, которая составляет важнейшую часть этого движения. Ваххабитская доктрина отличается рационализмом и доступностью, обладает четкой внутренней логикой, что позволяет преодолевать элитарность и замкнутость традиционного на Северном Кавказе суфизма. Декларируя строгое следование положениям Корана и Сунны, ваххабиты как бы «модернизируют» ислам, очистив его от мистики, суеверий и патриархальных традиций, против которых восстает сознание современного человека [8].

Другой привлекательной чертой ваххабитской идеологии является ее способность транслировать протест против традиционных форм социальной организации. Быстрое социально-имущественное расслоение людей в постперестроечные годы, смещение морально-нравственных ориентиров и нарушение процесса социализации наиболее болезненно сказывается на молодежи, порождая у них протест против негативных сторон современной жизни (коррупции, взяточничества, нищеты и т. д.). Традиционный ислам, вплетенный в государственно-административную систему, оказался не способен играть роль выразителя социального протеста. Не менее важно и то, что ваххабитские общины представляют собой организованную, нередко вооруженную силу, способную обеспечить своим членам реальную защиту в условиях разгула преступности и анархии. Помимо этого, духовный эгалитаризм ваххабитов, проповедующих равенство верующих перед Аллахом, сочетается в их учении с призывами к социальному равенству и справедливости. Ваххабитская идеологическая доктрина с ее акцентом на социально-политическую активность индивида служит эффективным средством мобилизации на борьбу против несправедливости и беззакония. В то время как служители традиционного культа, несмотря на аналогичные призывы по введению шариатского устройства общества, воспринимаются частью «старого порядка», старой системы [6].

Сегодня основные конфликтогенные процессы переместились в религиозную сферу и прежде всего внутриконфессиональную. Падает влияние традиционного ислама, среди молодежи усиливаются позиции неоваххабитов. Радикальный ислам пустил прочные корни в Дагестане и Чечне еще в начале 1990-х годов. Эти республики всегда были наиболее ислаимизированными на Северном Кавказе, и традиции политических движений под зеленым знаменем имеют там давнюю историю. Распространение исламского фундаментализма среди черкесов, карачаевцев, кабардинцев, балкарцев, ингушей является принципиально новым и тревожным

фактором, так как исламизация этих народов традиционно была ниже, и ислам здесь не оказывал существенного влияния на политику.

Политизацию ислама на Северном Кавказе используют различные деструктивные организации и силы, в том числе международные, стремящиеся ослабить позиции России в регионе.

Анализ проблемы позволяет утверждать, что современный исламский радикализм является, по сути, формой, в которую облачается абсолютное большинство социально-политических, экономических, этнических противоречий, кульминацией которых стала война в Чечне и множестве кровавых терактов. Политический радикализм в исламе имеет, на наш взгляд, нерелигиозную природу. Идеи «чистого ислама» зачастую используются в качестве идеологической и организационной оболочки при реализации практических интересов вовсе не исламских сил и субъектов политического и социального действия. Речь идет о заурядных сепаратистах, националистах, мафиозных структурах и кланах. Причем «исламский экстремизм» нередко подпитывается архаичными формами социального поведения горских народов, переживающих в настоящее время своеобразный «ренессанс» и культивируемых в ряде произведений научно-популярной литературы.

Укорененность традиционалистских структур в общественной жизни ряда северокавказских республик предопределяет региональную специфику исламского радикализма, который в этих условиях становится трудноискоренимым и разнообразным.

Питательной почвой религиозного экстремизма на Северном Кавказе является также всплеск сепаратизма, религиозного фанатизма, политизация ислама. Идеология и практика экстремизма приобретают еще большую опасность, когда руководство государства допускает серьезные ошибки и упущения в национальной, федеративной и региональной политике, в практике межнациональных и межконфессиональных отношений. Сказанное особенно касается республик

Северного Кавказа, где проявления религиозного радикализма разнообразны по конкретному содержанию, решаемым вопросам, формам реализации и т. д. В некоторых республиках Северного Кавказа (в Дагестане, Чечне, Ингушетии и др.) национализм, исламский радикализм и фанатизм выступали и продолжают выступать в облике суверенизации республик, под маской «утонченной научности», с позиции демократизма, необходимости борьбы с тоталитарным прошлым и т. д.

Краткие выводы. Ислам имеет огромное влияние и значение в общественной жизни северокавказских народов. В истории кавказских этносов он неоднократно выполнял социально мобилизующую роль, особенно в переломные, переходные периоды трансформации традиционных форм организации общественно-политической жизни горцев. Именно такой период в своем развитии переживает сейчас российское общество. Эта ситуация рождает общественный спрос на религии, усиливает социальные ожидания, обращенные к религиозным организациям, которые зачастую берут на себя несвойственные им политические функции. Политизацию ислама на Северном Кавказе используют в своих корыстных интересах различные деструктивные силы, борющиеся за власть, влияние и природные ресурсы. Нерешенность многих проблем, затяжной характер региональных этнополитических конфликтов, механизмы функционирования власти, имеющей в республиках признаки этнократии, новые и старые геополитические напряжения вокруг Кавказа являются постоянными генераторами религиозного радикализма и экстремизма. Экстремизм проявляется как в сфере общественного сознания, морали и идеологии, так и в отношениях между социальными и этническими группами. Учитывая многоликость и разнообразность проявлений экстремизма, в борьбе с ним необходимы совместные скоординированные усилия правоохранительных органов, федеральных и региональных властей, органов местного самоуправления, общественных и религиозных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малащенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001, с. 49.
2. Таваказов М. После Беслана положение мусульман в Северной Осетии ухудшилось // <http://region15.ru/articles/5/2008/>.
3. Агаев Р. Б. Ислам в структуре политической жизни Республики Северная Осетия-Алания. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2012, с. 16.
4. Вагабов М. В. Внешние и внутренние факторы распространения ваххабизма в Дагестане и Чечне // Алим и ученые против ваххабизма. – Махачкала: Изд-во Юпитер, 2001, с. 146.
5. Ибрагимов М.-Р. А. Этнос и конфессии Дагестана в конце XX – начале XXI века // *Этнополитические исследования на Северном Кавказе: состояние, проблемы, перспективы.* – Махачкала, ДНЦ РАН, 2005, с. 215.
6. Добаев И. П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003, с. 19.
7. Володина Н. В. Актуальные проблемы современного экстремизма и терроризма на религиозной основе // http://www.rusoir.ru/news/23.03.2005.-3_sitml.
8. Макаров Д. В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. – М.: ИВ РАН, 2000, с. 27.